

DOI: 10.31857/S013038640014287-3

© 2021 г. **Ф.О. ТРУНОВ**

ПОДХОДЫ КАНЦЛЕРОВ ФРГ К. АДЕНАУЭРА И А. МЕРКЕЛЬ К РЕШЕНИЮ ПОЛИТИКО-ВОЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Трунов Филипп Олегович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: Itrunov@mail.ru

Researcher ID: AAC-7844-2020; ORCID: 0000-0001-7092-4864

SCOPUS ID: 57211605240

Аннотация. В статье предпринята попытка осуществить компаративный анализ подходов К. Аденауэра и А. Меркель к решению задач в области обороны и безопасности. Двух канцлеров Германии, помимо руководства ХДС, длительного срока пребывания на посту главы федерального правительства и особого «почерка», объединяет схожесть стоящих внешнеполитических задач. В обоих случаях «коллективный» Запад сталкивался не только с масштабными вызовами безопасности извне, но и серьезными проблемами внутри. На этом фоне существенно изменялась роль самой ФРГ. Она стремится принимать на себя повышенную ответственность не только на региональном (евроатлантическая подсистема), но и на глобальном уровне (во втором случае особенно при А. Меркель). При этом отличительной чертой германской внешней политики выступает наращивание и активное использование военного потенциала, что, однако, не сопровождается обвинениями в ремилитаризации.

Выделяются стратегические императивы внешней политики К. Аденауэра, прослеживается их эволюция к концу 2010-х годов и сохранение значимости в «эру Меркель». На конкретных примерах показывается, как формулы «растворения» и «рамочного государства» в НАТО использовались ФРГ для реализации лидерских амбиций. Отмечается неприятие обоими канцлерами «навязывания» Федеративной Республике партнерами по Альянсу (прежде всего, США) скорости и промежуточных результатов роста военных расходов. На примерах решения «саарской проблемы» и участия в урегулировании вооруженного конфликта в Мали исследуются попытки ФРГ принятия роли «старшего партнера» в рамках двустороннего тандема с Францией.

Делается вывод о доминировании значимости национальных интересов для К. Аденауэра, как и для А. Меркель. Рассматривая ФРГ органичной частью «коллективного» Запада, оба канцлера активно использовали потенциал интеграционных и союзнических структур.

Ключевые слова: Аденауэр, Меркель, ФРГ, внешняя политика, переговорный процесс, «коллективный» Запад, НАТО, бундесвер, германо-французский тандем.

Ph.O. Trunov

The Approaches of Konrad Adenauer and Angela Merkel to the Solution of Political-Military Problems

Philipp Trunov, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: Itrunov@mail.ru

Researcher ID: AAC-7844-2020; ORCID: 0000-0001-7092-4864

SCOPUS ID: 57211605240

Abstract. The article attempts to carry out a comparative analysis of the approaches of Konrad Adenauer and Angela Merkel to solving problems in the field of defense and security. In addition to a long term in the leadership of the CDU and as head of the federal government, as well as a particular political style, the two German Chancellors are united by the similarity of their foreign policy tasks. In both cases, the “collective” West faced not only large-scale security challenges coming from without but also serious problems emanating from within. Against this background, the role of the FRG itself changed significantly. It seeks to assume increased responsibility not only at the regional (Euro-Atlantic subsystem) but also at the global level (in the latter case, especially under A. Merkel). At the same time, a distinctive feature of German foreign policy is the build-up and active use of military potential, which, however, is not accompanied by accusations of remilitarization.

The article highlights the strategic imperatives of K. Adenauer’s foreign policy, traces their evolution towards the end of the 2010s, and their continued significance in the “Merkel era”. Based on concrete examples, the article shows how Germany has used the concepts of “dissolving” and “framework nation” in NATO for the realization of its leadership ambitions. It is also shown that both Chancellors reject the “imposition” of the speed and intermediate results of the growth of military spending on the Federal Republic by the Alliance partners (primarily, by the United States). On the examples of the “Saarland Question” and participation in the settlement of the armed conflict in Mali, the author examines Germany’s attempts to assume the role of a “senior partner” in its bilateral tandem with France. The author concludes that the importance of national interests dominates the political agenda of both Konrad Adenauer and Angela Merkel. Considering Germany as an organic part of the “collective” West, both Chancellors have actively used the potential of integration and allied structures for the realization of German national interests.

Keywords: Konrad Adenauer, Angela Merke, FRG, foreign policy, negotiation process, the “collective” West, NATO, Bundeswehr, German-French tandem.

Наряду с «канцлером объединения» Г. Колем, канцлеры К. Аденауэр и А. Меркель образуют триаду «политических должителей» высшего уровня Федеративной Республики Германия (ФРГ). По отношению к их пребыванию у власти в полной мере применим термин «эра». Одна из ключевых причин их длительного нахождения у руля государственного управления состоит в том, что на время их канцлерства приходились переломные моменты истории ФРГ — как во внутри-, так и особенно во внешнеполитическом плане. Периоды с конца 1940-х до середины 1950-х годов, рубежа 1980–1990-х годов и 2010-х годов характеризовались существенным увеличением роли и места ФРГ в международной системе координат. Развитие этой тенденции в немалой степени определялось эффективными действиями самих канцлеров, что обеспечивало их высокую электоральную поддержку. Наибольшие трудности в достижении стоявших перед ними целей встали перед Аденауэром и Меркель.

Во-первых, возникали значительные проблемы обретения поддержки США. Первоначально федеральному канцлеру предстояло в принципе продемонстрировать и доказать, в том числе в военном плане, лояльность ФРГ формирующемуся «коллективному» Западу. Лишь к концу 1950-х годов это положение было достигнуто в полной мере, что проиллюстрировала тесная координация усилий сторон в ходе Второго берлинского военно-политического кризиса в 1961 г. Аналогичные трудности, характеризовавшиеся тенденцией к их увеличению, встали и перед Меркель. Придя к власти в 2005 г., госпожа канцлер была вынуждена преодолевать последствия кризиса отношений с США при ее предшественнике Г. Шрёдере. С 2017 г. при президенте США Д. Трампе диалог ФРГ–США вновь пошел на спад, который оказался наиболее глубоким и многомерным и затяжным. Этот спад проявился не только в политико-военной, но и в экономической и ценностно-идеологической сферах. Проблемы в отношениях между Германией и США, уже в основном в латентных формах, продолжали накапливаться на протяжении первых двух сроков канцлерства Меркель (2005–2009 и 2009–2013 гг.), что, в частности, проявилось в ходе ливийского 2011 г. и сирийского 2013 г. военно-политических кризисов. Увеличение частоты и глубины спадов в отношениях ФРГ с США в «эпоху Трампа»

объяснялось не только субъективными причинами — попросту 45-м президентом США сложившихся принципов и ценностей трансатлантической солидарности (иллюстрацией чему стали «стратегические шоки» в отношении партнеров США по НАТО), но и объективными факторами. Ключевой из них — последовательное стремление ФРГ к увеличению своей роли и места не только на региональном (евроатлантическом), но и на глобальном уровне. Рост опасений США в отношении Германии находится в прямо пропорциональной зависимости от результатов и скорости достижения этих целей ФРГ. Причем, если динамика изменения влияния на международной арене Белого дома в целом развивается по нисходящей траектории, то официального Берлина — по восходящей. Отношение ФРГ к решению проблем международной безопасности отличалось более взвешенным, чем у США, подходом к использованию своего военно-политического инструментария. В этой связи даже в эпоху «пост-Трампа» сложно ожидать возвращения качества отношений двух стран на уровень «классической» холодной войны.

Во-вторых, это трудности выхода (и тем более реализации) на «стратегические сделки» со значимыми акторами вне «коллективного» Запада — в первую очередь с Советским Союзом и Россией как его правопреемницей. Так, Аденауэр считал, что восстановление диалога с СССР возможно только, когда «будет устранено неравенство вооружений Востока и Запада»¹. Ключевым компонентом этого канцлер видел восстановление военной мощи самой Боннской республики. Примечательно в этой связи, что установление дипломатических отношений между ФРГ и СССР (сентябрь 1955 г.) в ходе визита Аденауэра в Москву произошло одновременно с развертыванием первых частей бундсвера, что началось вскоре после вступления Германии в НАТО (май 1955 г.). По сравнению с «эрой Аденауэра» внешнеполитическая линия ФРГ при Меркель была в существенно большей степени направлена на поиск точек соприкосновения с Россией. В условиях стратегического ухудшения отношений Запада и РФ с 2014 г. Германия внесла весомый вклад в недопущение неконтролируемой эскалации напряженности, особенно в военно-политической сфере. Поддерживая введение санкций в отношении России со стороны Евросоюза, Германия, особенно до июля 2014 г., стремилась снизить их потенциальную скорость и масштаб. Официальный Берлин не препятствовал поиску немецким бизнесом путей восстановления хозяйственных отношений с Россией в обход санкций и последовательно поддерживает реализацию проекта «Северный поток–2».

Де-юре основной двусторонних отношений является «большой» договор о дружбе и основах отношений, подписанный М.С. Горбачевым и Г. Колем 9 ноября 1990 г. сроком на 20 лет с возможностью автоматической пролонгации. Однако в условиях начала новой холодной войны диалог РФ и ФРГ демонстрировал серьезную взаимную потерю доверия: в апреле 2014 г. официальный Берлин поддержал идею «заморозки» большинства существовавших переговорных каналов с Россией — как дву-, так многосторонних. На фоне развития вооруженного конфликта на востоке Украины германо-французский тандем инициировал запуск четырехстороннего «нормандского формата» (создан 6 июня 2014 г.) для демонстративно вынужденного взаимодействия с РФ по его урегулированию. Лишь с 2017 г., в условиях осознания общности угроз безопасности, исходящих с территории нестабильных государств (прежде всего на Ближнем Востоке и в Северной Африке), а также закрепления основных характеристик противостояния холодной войны на новом существенно не меняющемся уровне, начался подъем отношений сторон в общеполитической плоскости. Был запущен и стал успешно функционировать «сочинский формат», более конструктивным стало взаимодействие по урегулированию

¹ Центральный научно-исследовательский институт глобальных и региональных проблем Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Архив посла А.И. Степанова (далее: ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 3-р.

украинского (с учетом активации «нормандского формата» с участием нового президента Украины В.А. Зеленского) и сирийского вооруженных конфликтов, стороны перешли к полноценному сотрудничеству по решению «ливийской проблемы» с начала 2020 г. Вместе с тем достигнутые результаты недостаточны, чтобы быть признанными за отправные точки для поиска «стратегической сделки».

Фундаментальная причина рассмотренных явлений состоит в том, что ФРГ последовательно рассматривала себя как органичную часть «коллективного» Запада и лишь с учетом этого обязательства была готова развивать отношения с игроками за пределами Евро-Атлантического сообщества. Бóльшая, по сравнению с «эрой Аденауэра», гибкость ФРГ в отношениях с нашей страной обусловлена, с одной стороны, уменьшением внешнеполитического потенциала и влияния России по сравнению с советским периодом, с другой — последовательным ростом потенциала и влияния Германии после объединения страны в 1990 г. В этой связи ключевой задачей для ФРГ становится не только сохранение, но и упрочение позиций на мировой арене.

Достижение этой цели, равно как и демонстрация дееспособности Боннской республики в первое десятилетие ее существования, требовало существенного роста военного потенциала ФРГ. Это стало третьим общим знаменателем деятельности канцлеров Аденауэра и Меркель. Определяя формы, скорость и итоги процессов перспективного военного строительства, канцлер-основатель ФРГ и первая фрау-бундесканцлерин должны были в принципе избежать обвинений страны в ремилитаризации и проявлении державных устремлений — в первую очередь с учетом исторической ответственности Германии за развязывание Второй мировой войны.

В этой связи задача данной статьи — провести сравнительный анализ подходов ФРГ к решению ключевых политико-военных проблем при Аденауэре и Меркель в пиковые периоды их пребывания у власти. Широкому спектру вопросов внешней политики каждого из этих канцлеров посвящены научные исследования как иностранных (в первую очередь германских² и англосаксонских), так и российских исследователей³. Отечественным германистом Н.В. Павловым был подготовлен труд, где прослеживалось развитие внешней политики Германии от О. фон Бисмарка до Меркель⁴. Однако работы, исследующие непосредственно подходы этих двух политических «тяжеловесов» к решению международных проблем в компаративном ключе, по существу, отсутствуют. Автором была предпринята попытка сопоставить подходы канцлеров Аденауэра и Меркель к строительству вооруженных сил ФРГ; в этой публикации затрагивались преимущественно военные вопросы⁵.

Настоящая публикация включает общеполитические аспекты, в том числе сопоставление характера диалога ФРГ в 1949–1963 гг. и 2005–2020 гг. с США, Советским Союзом и его правопреемницей Россией, а также с Францией. Особое внимание в статье уделено взаимосвязи внешней и внутренней политики — прежде всего, в контексте глубоких сдвигов партийно-политического ландшафта ФРГ, которые произошли при «поздней» Меркель.

² *Hellmann G. Sicherheitspolitik // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / Eds S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. Wiesbaden, 2007. S. 605–617; Roos U. Deutsche Außenpolitik. Eine Rekonstruktion der grundlegenden Handlungsregeln. Wiesbaden, 2010. 370 s.; Kornelius St. Angela Merkel: Die Kanzlerin und ihre Welt (Zeitgeschichte). Berli, 2013. 288 s.; Bredow von W. Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militär. Wiesbaden, 2015. 301 s.; Die neue Wirklichkeit der Außenpolitik: Diplomatie im 21. Jahrhundert / Hg. V. Stanzel // Stiftung Wissenschaft und Politik. 2018. № 23. November. 76 s.*

³ *Кузнецов А.В. Экономическая мощь Германии как основа лидерства страны в Европе // Пределы лидерства Германии в Европе. М., 2018. С. 9–14.*

⁴ *Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М., 2012. 800 с.*

⁵ *Трунов Ф.О. Особенности наращивания военного потенциала ФРГ при К. Аденауэре и А. Меркель // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 12. С. 106–124.*

Источниковую базу исследования пополнил новый источник — Архив Чрезвычайного и Полномочного посла А.И. Степанова (1930–2018), в котором собран большой массив документов, посвященных внешней политике немецкоязычных государств Европы — Германии, Австрии, Швейцарии, Лихтенштейна. Автор статьи использовал материалы фонда № 1 Архива А.И. Степанова — «Внешняя политика ФРГ при К. Аденауэре»⁶.

ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ ДИВЕРГЕНЦИЯ?

Основополагающей целью внешней политики Аденауэра было полноценное и всеобъемлющее (политическое, ценностно-идеологическое, экономическое и военное) встраивание ФРГ в формирующуюся систему «коллективного» Запада. Эта формула, с точки зрения первого канцлера ФРГ, должна была обеспечить решение трех тесно связанных задач. Во-первых, обеспечить территориальную оборону и безопасность ФРГ в реалиях начинавшейся холодной войны. Во-вторых, позволить в перспективе объединить Германию на основе Конституции ФРГ. В-третьих, заложить основы легального, признанного западными державами, — США, Великобританией и Францией — восстановления страны и превращения ФРГ в одного из наиболее экономически и политически влиятельных игроков в Европе и мире.

Ключевым компонентом внутриполитического измерения процесса встраивания в систему «коллективного» Запада для Аденауэра являлось обеспечение доминирования двух народных партий — блока христианских демократов (ХДС/ХСС), созданного при ведущем участии канцлера, и социал-демократов (СДПГ) — в реалиях стабильно функционирующей парламентской республики. При этом отец-основатель ФРГ стремился максимально укрепить центристские силы и не допустить усиления политических флангов — крайне правого и особенно крайне левого. Аденауэр учитывал и опыт Веймарской республики: одной из ключевых причин ее постоянных внутренних кризисов и крушения была слабость партий центристской направленности.

Основой внешнеполитической доктрины Аденауэра, особенно в военно-политической сфере, было принятие официальным Бонном роли «младшего партнера», ведомого «старшими партнерами» — США, Великобританией и Францией. Это, однако, отнюдь не означало отказа от последовательного движения ФРГ к равноправному положению с западными державами не только де-юре, но и де-факто. Для обретения поддержки западных держав, без чего ему не мыслилось превращение Западной Германии в дееспособный политический субъект, Аденауэр пошел на пересмотр многих фундаментальных основ внешней политики прусско-германского государства.

Первый императив. Традиционному позиционированию прусско-германского государства исключительно в национальном качестве Аденауэр предпочел «растворение» ФРГ во вновь возникавших интеграционных и союзных структурах Запада. Для этого Аденауэр был согласен на сохранение и даже углубление раскола прежде единой Германии, что рассматривалось канцлером как сугубо временное явление. Аденауэр активно содействовал максимальному дистанцированию бывших союзников по антигитлеровской коалиции — трех западных держав и СССР. Роль ведущего партнера западных демократий должна была постепенно занять ФРГ, отойдя от положения Германии как прежнего общего врага. По сути, это переформатирование отношений явилось первым шагом на пути к пересмотру итогов Второй мировой войны, в том числе определяющего вклада СССР в Победу. В этой связи канцлер указывал: «Когда окончилась война, у ведущих союзников существовало единодушное намерение оставить Германию как бесильное, политически и экономически бессильное образование, не имеющее никакого влияния... Изменение взглядов на политику, которую они должны избрать в отношении Германии, у западных союзников происходило сначала медленно и постепенно, а затем

⁶ ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1–29.

все сильнее и скорее, когда все яснее становилась экспансионистская политика Советской России»⁷. За скобками Аденауэр оставил весомый вклад официального Бонна в изменение подхода формирующегося Запада. Так, канцлер жестко реагировал на попытки общественных организаций ФРГ искать пути улучшения отношений с СССР. В частности, в западногерманской печати был подвергнут жесткой обструкции глава евангелистской церкви Гессена М. Нимёллер за совершенный им визит в Советский Союз⁸. Параллельно осуществлялся комплекс мер по демонизации СССР — Аденауэр неоднократно подчеркивал тяжелое положение немецких беженцев из бывших оккупированных Третьим рейхом стран Восточной Европы. Вопреки данным официальной картотеки правительства ФРГ о наличии в СССР 106 тыс. германских военнопленных (по состоянию на начало 1952 г.), Аденауэр считал, что их не менее 700 тыс.⁹ Развитием этой линии стало жесткое неприятие официальным Бонном советской концепции создания единой нейтральной Германии¹⁰. Консенсус по данному вопросу, достигнутый Аденауэром с западными державами, стал одним из первых успехов на пути интеграции ФРГ в систему «коллективного» Запада и одновременно будущего объединения Германии по сценарию Боннского кабинета.

Второй императив. В «эру» Аденауэра ФРГ начала последовательно придерживаться концепции «стратегической сдержанности», которая означала максимально сдержанный подход к наращиванию и особенно использованию военно-силового потенциала. Это выражалось, прежде всего, в согласии руководства Боннской республики на «растворение» ФРГ — не только в политическом и экономическом, но и собственно в военном отношении — в Евро-Атлантическом сообществе. Применительно к воссоздаваемым вооруженным силам ФРГ это означало их максимальную степень интегрированности в НАТО, а также ЗЕС. Формула «растворения», с одной стороны, должна была снять опасения как лидеров «коллективного» Запада (США, Великобритания и Франции), так и средних и малых государств Европы (в первую очередь Бенилюкса) относительно неконтролируемости ими процесса восстановления мощи ФРГ. Первый канцлер ФРГ неоднократно подчеркивал, что «он отклоняет ремилитаризацию Германии путем создания национальных вооруженных сил»¹¹. Однако уже на этапе обсуждения «плана Плевена» (1952 г.) Аденауэр впервые четко обозначил стремление ФРГ создать войска, сухопутную основу которых составляли бы 12 дивизий и которые использовались бы в интересах Запада в Европе¹². Тем самым была обозначена будущая формула использования внешнеполитического инструментария ФРГ: вне пределов Евро-Атлантического сообщества — лишь политические (дипломатические и идеологические) и экономические, а внутри него, особенно на территории Западной Германии, — также и иные, в частности военные, средства и методы воздействия. Бонн избежал роста числа изначально созданных соединений (12 дивизий, ядро которых было создано в 1956–1962 гг.)¹³, при этом последовательно наращивая потенциал каждой из них. Эта лимитированность количества военных механизмов оперативного уровня (но отнюдь не их потенциала) также являлась составляющей приверженности концепции «стратегической сдержанности».

⁷ Там же. Д. 25. Л. 122-о.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 1-р.

⁹ Там же. Д. 14. Л. 47-р.

¹⁰ Там же. Д. 25. Л. 124-о.

¹¹ Там же. Д. 30. Л. 32-р.

¹² Там же. Д. 18. Л. 124-о.

¹³ Armee im Kalten Krieg. 05.02.2015. URL: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/streitkraefte/grundlagen/geschichte/anfaenge/ut/p/z1/hU67DolwFP0WB9beKwREN5yEMJBAInQxBWBF-EpKBT9fDJOJxLOdZw5QyIH2bGoFM63qmVx4Qb3b2Y-z2D7atuv5iOE-Sy5h5NqICNd_AbrYulEAla-05FMvGYXvDhRQo0Aeb2IsMShvJDWHV5yEUDetryRNVBasQARVSlev1oC8dXwDV_M411SpF7kxZh hPFlo4zzMRSgnJSaU6C39VGjUayL-TMHT5j4rpzjYvQHa73Ab/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL29225680011TPHJ52005 (дата обращения: 12.02.2020).

Насколько данные императивы определяли и определяют политическую линию Меркель? При «зрелой» Меркель истеблишмент ФРГ в полной мере столкнулся с проблемой ускорения и возрастания масштаба фрагментации партийно-политического ландшафта страны. Ключевой характеристикой этой тенденции являлось усиление политических сил, расположенных на крайних участках флангов — в первую очередь правого. Если успехи, оказавшиеся в итоге весьма ограниченными, внесистемной партии «Пиратов» в 2009–2012 гг. оказались симптомом фрагментации партийно-политического ландшафта, то бурным развитием этой фрагментации стали высокие результаты крайне правой партии «Альтернатива для Германии» (АдГ), показанные на выборах в Бундестаг в 2017 г. К началу 2020-х годов АдГ демонстрировала способность не только сохранить, но и упрочить свои политические позиции. Об этом свидетельствовали результаты политических партий на выборах в Бундестаг с 1990 г.

С определенной долей вероятности АдГ может стать этаблированной партией. Однако эта возможность не меняет существующей проблемы: резкой и, возможно, безвозвратной потери электоральной поддержки партиями-«китами». Если на парламентских федеральных выборах в первой половине 1990-х годов они суммарно набирали 77–78%, то в 2009 г. — 56,8%, а в 2017 г. — лишь 53,4% голосов избирателей¹⁴. Проблема масштабной утраты электорального доверия наиболее остра для СДПГ, однако в полной мере она возникает и перед блоком ХДС/ХСС, что осознается истеблишментом «народных» партий. Иллюстрацией этого стал «клинч» в 2018 г. между председателем ХДС Меркель и председателем ХСС Х. Зеехофером, продемонстрировавший наличие серьезных расхождений между двумя партиями-«сестрами». Итогом цикла политических кризисов стал отказ Меркель от выдвижения своей кандидатуры на пост канцлера ФРГ на парламентских выборах, запланированных на 2021 г.

Ключевую роль в современном «кризисе доверия» партия-«китам» играют внешне-политические причины, во многом порождающие наиболее болезненные проблемы в объединенной ФРГ — в первую очередь неконтролируемый приток мигрантов и рост террористической угрозы. Они стали производными оборонительной в своей сути и основанной на реактивных действиях стратегии Германии и ее партнеров по НАТО и ЕС в отношении сирийского и ливийского вопросов. В отличие от Афганистана (с 2001 г.) или Мали (с 2013 г.), в Сирии западные страны не предприняли заметных эффективных попыток регулировать вооруженный конфликт. Западная коалиция, действовавшая в Ираке и Сирии, не сумела не только существенно ослабить, но даже затормозить стремительный рост влияния «Исламского государства»¹⁵ и дружественных ему сил. На этом общем фоне особенно выделяется линия правительства ФРГ. Германия присоединилась к коалиции в ноябре 2015 г., через год после ее создания, и отказалась от боевого применения бундесвера; основные усилия ФРГ были направлены на «разгрузку» партнеров. Это решение, обусловленное широким спектром причин и полностью отвечающее логике концепции «стратегической сдержанности», актуализировало вопрос о реальной готовности и, главное, способности ФРГ принимать на себя лидерские функции. Эта проблема возникла и в связи с необходимостью определения вклада Германии (финансового, политического, технологического и главное войскового — личным составом и различными видами вооружений и военной техники) в усиление НАТО, в том числе в разрывывание группировок Альянса в Восточной и Северной Европе.

В 2017–2019 гг. правительство ФРГ и лично канцлер Меркель оказались под плотным огнем критики сразу с двух сторон: внешней, в первую очередь администрации США Д. Трампа, требовавшей от Германии повышения военных расходов как минимум до 2% от ВВП, и внутренней, особенно АдГ и партии Левых. Лейтмотивом и внешней,

¹⁴ Ergebnisse der Bundestagswahlen. URL: <https://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm> (дата обращения: 12.02.2020).

¹⁵ Запрещенная в России террористическая организация.

и внутренней критики правительства ФРГ было желание выяснить, насколько оно готово реализовывать свои державные устремления в настоящем и будущем.

Целью АдГ, как следует из программных установок партии, является полное обретение ФРГ реального суверенитета, то есть желание избавиться от существующих механизмов и инструментов внешнего контроля над процессом подготовки, принятия и реализации внешнеполитических решений или, как минимум, реформировать эту систему в своих интересах. Германия должна сохранить членство в международных организациях в сфере безопасности, не имеющих наднациональной составляющей, — ООН, НАТО и ОБСЕ. АдГ выступает за их реформу с целью увеличения влияния и роли ФРГ в мире де-юре (обретения постоянного места в Совете Безопасности ООН) и де-факто (увеличения реальной роли европейских стран-участниц при принятии и реализации решений в НАТО). По мнению АдГ, войска бундесвера, потенциал которых должен быть существенно нарашен, должны быть переданы под национальное командование и ни в коем случае не вливаться в состав общеевропейской армии¹⁶. В целом отношение АдГ к участию в интеграции в ЕС как наднациональном образовании, в том числе в военном плане, — резко отрицательное¹⁷. В программных документах АдГ затрагивается вопрос полного свертывания иностранного военного присутствия в Германии. Решение этого вопроса является одной из ключевых внешнеполитических задач для германской партии Левых¹⁸, которая, как и АдГ, усиливает свои позиции, хотя и более медленными темпами.

Показательна жесткость, которую администрация США Д. Трампа проявляла к ФРГ в целом и особенно выполнению ею обязательств по НАТО. Как ни парадоксально, эта жесткость имеет ту же глубинную причину, что и в случае критики АдГ и партии «Левых» — недовольство ходом процесса укрепления позиций Германии в рамках «коллективного» Запада и в мире. Если оппозиция внутри ФРГ считает скорость этого процесса слишком низкой, а его результаты не очень успешными, то Белый дом, напротив, — чрезмерно быстрыми.

Стремясь противостоять растущей критике как внутри страны, так и извне, руководство ФРГ во главе с Меркель последовательно реализует курс, базирующийся на стратегических императивах, определенных еще в «эру» Аденауэра и, разумеется, эволюционировавших с учетом изменившихся геополитических реалий, в том числе возможностей самой ФРГ.

Утвердившись в конце 1990-х годов в роли региональной державы, то есть войдя наряду с США, Великобританией и Францией в ряд наиболее влиятельных участников Евро-Атлантического сообщества, Боннская федеративная республика трансформировалась в Берлинскую. Демонстрируя преемственность, Берлинская республика продолжила движение по траектории роста влияния, стремясь к положению не регионального, а полноценного глобального игрока. Неотъемлемой частью этого процесса стало постепенное утверждение ФРГ в роли параллельного (и во многом альтернативного) США центра притяжения в рамках евроатлантической региональной подсистемы. Показательно в этой связи углубление, включая увеличение степени институционализации, дву- и многосторонних межгосударственных контактов объединенной ФРГ со средними и малыми государствами ЕС. Применительно к политико-военной области наибольший рост демонстрировало сотрудничество ФРГ с Нидерландами, Румынией, Литвой, Норвегией и Швецией. Будучи органично встроена в состав Евро-Атлантического сообщества, Германия все более активно использовала его для

¹⁶ Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland. Berlin, 2017. S. 16–20.

¹⁷ Ibid. S. 58–65.

¹⁸ Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Paul Schäfer (Köln), Inge Höger, Jan van Aken, weiterer Abgeordneter und der Fraktion die Linke. Ausländische Streitkräfte in Deutschland // Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode, Drucksache 17/5586. 14.04.2011. 15 S.

продвижения своих национальных интересов, в полной мере ориентируясь на первый из стратегических императивов, определенных в «эру» Аденауэра.

В своей основе последовательно соблюдается и второй императив Аденауэра — «стратегическая сдержанность». На фоне свертывания холодной войны и объединения Германии как составляющей этого процесса, ФРГ стала де-факто (с 1991 г.) и де-юре (с 1994 г.) использовать бундесвер вне зоны ответственности НАТО¹⁹, постепенно расширяя географический ареал его применения до глобального. Первой отличительной чертой применения Германией военного потенциала являлось применение контингентов в заграничных миссиях исключительно под эгидой профильных международных структур (ООН, НАТО, ОБСЕ, с начала XXI в. ЕС и даже Африканского союза)²⁰, что отражало приверженность официального Берлина идее «растворения» бундесвера. При этом ФРГ в целом (исключая военно-воздушные операции Альянса в Боснии (1995 г.) и Косово (1999 г.), участие в которых подтверждало возвращение Германией статуса региональной державы) последовательно избегала собственно силового использования бундесвера, что показали иракский (2003 г.), ливийский (2011 г.) и сирийский (2013 г.) военно-политические кризисы, инициированные партнерами ФРГ по НАТО. Предпочтение отдавалось не силовым формам использования бундесвера — участию в операциях по миротворчеству и поддержанию мира, военно-тренировочной деятельности (т.е. реформе секторов безопасности стран, встающих на путь постконфликтного развития). Тем самым, с одной стороны, обеспечивалось легитимное, с германской точки зрения, или как минимум легальное (основанное на поддержке партнеров по НАТО и ЕС, в ряде случаев — международного сообщества в целом) военное присутствие на глобальном уровне. С другой стороны, ФРГ последовательно демонстрировала приверженность принципу «стратегической сдержанности» в вопросах развития и использования вооруженных сил, который был де-факто внедрен в практику при первом канцлере ФРГ.

С начала 1990-х годов бундесвер готовился к применению вне зоны ответственности НАТО. Расширение Альянса на восток привело к отодвиганию зоны ответственности НАТО от границ ФРГ. В отличие от «классической» холодной войны армия Германии оказывалась уже не на «передовой», а в глубине территории стран НАТО. Одним из следствий этого было длительное ослабление потенциала «тяжелых» вооружений и техники, предназначенных для решения задач по обеспечению территориальной обороны. По мере расширения НАТО на восток Германия стала на ротационной основе участвовать в комплектовании военно-морских и военно-воздушных механизмов Альянса, учрежденных прежде всего в интересах новых стран НАТО на севере и юге Европы. Однако масштабы этой деятельности в 2004 — середине 2010-х годов были ограниченными. Иная ситуация стала возникать в реалиях новой холодной войны: в соответствии с решениями Варшавского саммита НАТО (2016 г.) ФРГ приняла на себя функции «рамочной нации» в комплектовании «тяжелой» батальонной тактической группы (БТГ) многонационального состава в Литве²¹ из числа войск сил передового развертывания (СПР) НАТО. Формула «рамочной нации» предполагает выделение от 40% и более от общей численности группировки совместного (с участием нескольких государств) комплектования и командования этой группировкой.

Однако наиболее важным и масштабным направлением использования бундесвера в рамках военных группировок Альянса стали не СПР (первый, расположенный вблизи границ зоны ответственности НАТО, стратегический эшелон), а силы быстрого

¹⁹ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin, Federal Ministry of Defense, 2009. P. 36. 52—54.

²⁰ Ibid. P. 52—99.

²¹ Enhanced forward presence beim litauischen Tag der Streitkräfte. 23.11.2019. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsatz-bundeswehr/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence/efp-beim-litauischen-tag-der-streitkraefte-156840> (дата обращения: 12.02.2020).

реагирования (СБР) — второй эшелон, дислоцированный в основном в глубине территории стран-участниц блока с возможностью быстрого выдвижения к его границам. Так, в сентябре 2014 — сентябре 2015 г. Германия совместно с Нидерландами и Норвегией приняла на себя основную нагрузку в комплектовании СБР. За этот год численность СБР была увеличена с 15 до 40 тыс.; в их составе были заявлены к созданию войска постоянной боевой готовности — «острие копья», древко которого представляли силы быстрого реагирования в целом. В ходе крупнейших с начала XXI в. учений НАТО «Соединение трезубца 18» на территории Норвегии бундесвер принял на себя функции «рамочной нации» в комплектовании сухопутной бригады войск постоянной боеготовности. Не менее важно и другое — Германия продемонстрировала практическую способность выстраивать масштабную военно-логистическую цепочку комбинированным (морским, воздушным, железнодорожные перевозки в порты погрузки и выгрузки) путем для практической поддержки партнера (в данном случае — Норвегии)²². Соответственно, если в годы «классической» холодной войны ФРГ была реципиентом значительных иностранных (союзнических по НАТО) военных контингентов, то в реалиях новой холодной войны XXI в. Германия уже сама готова развертывать значительные (от бригады до дивизии) силы на территории государств-партнеров по НАТО. С 1 января 2019 г. Германия на 12 месяцев досрочно приняла на себя нагрузку в деле комплектования сухопутного соединения сил постоянной боеготовности в составе СБР²³.

Планы строительства вооруженных сил, определенные в 2017 г. на долгосрочную перспективу (до начала 2030-х годов), своей главной целью имеют обретение бундесвером практической возможности в случае необходимости принимать функции «рамочной нации» при комплектовании всех основных типов группировок НАТО и ЕС²⁴. Это является свидетельством сохранения ФРГ приверженности формуле «растворения» и использования для реализации лидерских амбиций в рамках евро-атлантических институтов.

Аналогичную направленность имеют действия ФРГ — как в «эру» Аденауэра, так и канцлерства Меркель — в вопросах определения объемов военных расходов в согласовании с партнерами по НАТО. На стадии обсуждения вопроса о вступлении Западной Германии в Альянс американский Белый дом настаивал на ежегодных военных ассигнованиях ФРГ в размере 13 млрд марок (для сравнения: Великобритания в 1952 г. тратила на военные цели 16 млрд марок). Несмотря на последовательное стремление вступить в НАТО и риск нанести ущерб отношениям со всеми западными державами, Аденауэр подчеркивал, что внесение таких сумм в реалиях 1950-х годов являлось неподъемной нагрузкой для ФРГ²⁵. Одновременно канцлер указывал на необходимость использования не менее 85% всех военных расходов на территории самой ФРГ²⁶. При этом Аденауэр считал, что вступление страны в Альянс автоматически снимет с нее обязанность оплачивать содержание контингентов войск западных держав на германской земле, перешедших из разряда оккупационных в союзные. В качестве уступки Аденауэр рассматривал отказ от производства ФРГ тяжелых вооружений для вновь создаваемых западногерманских войск (в первую

²² Trident Juncture 2018: Die logistische Rückführung. Stand vom: 16.11.2018. URL: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/aktuelles/aus_der_truppe/!ut/p/z1/hY_NCoMwEITfyI2KSXo0SI50aOm_uZSgwVpsliGVHvrwjRS8SfcwsDO737Ig4ApCy7FrpeuMlr3vK4FvjPlj1lZRxE8UoZwXtEwiFCIawxku_0aEj9FCpQgOjYlKM8gio8RwAAGiUUFtHKTOqVd57W10hkbDMA6fkpe1vok6BqoUJ-ixkMynwg_D203MMSFZzvYT8CFH-Z53ZT09DdVd6qZXO1OnP2N4rmlRJO0XRxWM9Q!!/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEH/#Z7_B8LTL2922LU800ILN8O52010O6 (дата обращения: 12.02.2020).

²³ NATO Response Force (NRF) Fact Sheet 1.01.2019 // NATO. Mode of access: URL: <https://jfcbs.nato.int/page5725819/nato-pesponse-force-nrf-fact-sheet> (дата обращения: 12.02.2020).

²⁴ Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (дата обращения: 12.02.2020).

²⁵ ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 124-о.

²⁶ Там же. Д. 17. Л. 86-р.

очередь 12 дивизий наземных сил)²⁷ — соответствующая техника и боеприпасы к ней должны были закупаться у западных держав.

Аденауэру удалось отстоять позицию по большинству пунктов переговорной повестки. Так, в 1955 г. в момент вступления в НАТО расходы Бонна на военные цели составили 7,383 млрд марок²⁸ — вдвое меньше суммы, изначально обозначенной Вашингтоном. В свою очередь Боннская республика пошла на ряд уступок западным партнерам. В ее бюджете статья военных расходов (в размере 6,1–6,2 млрд марок) стала фигурировать уже с 1953 г.²⁹, то есть еще до вступления в НАТО. Вместе с тем Западной Германии не удалось снять с себя бремя финансовой нагрузки на содержание иностранных войск. В данном случае западные державы смогли в полной мере удовлетворить настоятельные просьбы Аденауэра о наращивании их военного присутствия с целью «сдерживания» советских войск в Восточной Германии³⁰. Однако это положение частично компенсировалось тем, что ФРГ в итоге стала производить большую часть тяжелой техники и вооружений для бундесвера³¹. Соответственно, именно западногерманские, а не британские и американские фирмы стали основными реципиентами расходов на закупку вооружений и военной техники.

С конца 1950-х годов ФРГ начала стремительно наращивать свои военные расходы — с 6,853 млрд марок в 1958 г. они возросли до 11,007 в 1959 г., 17,233 млрд в 1962 г. и 19,779 млрд в 1963 г., в 1,5 раза превысив показатель, на котором настаивали США к середине 1950-х годов. Причины этого роста объясняются не только результатами западногерманского «экономического чуда», во многом осуществленного благодаря «плану Маршалла», но и имеют военную подоплеку.

С одной стороны, к 1962 г. было завершено формирование в базовой комплектации «ядра» бундесвера; ФРГ в военном плане стала осознавать себя полноценным членом НАТО. С другой — во время Берлинского (1961 г.) и Карибского (1962 г.) кризисов официальный Бонн отчетливо осознал опасность расположения ФРГ на передовой холодной войны.

Принципиально соглашаясь с необходимостью значительного объема и динамичного роста военных расходов ФРГ, Аденауэр, при всей ценности отношений с США и членства в НАТО, не был готов принять «навязывания» параметров этих показателей со стороны Вашингтона. Эта же формула лежала и в основе подхода Меркель к выполнению военно-финансовых обязательств. Их «неполноту» администрация президента США Трампа пыталась использовать как инструмент давления на Германию. В ходе первых личных переговоров с 45-м президентом США в марте 2017 г. Меркель в принципе согласилась с необходимостью вывода военных расходов ФРГ на отметку в 2% ВВП³². Этот показатель в качестве общей для стран НАТО цели, намеченной на 2024 г., был принят на Уэльском саммите Альянса в 2014 г. Однако министр обороны ФРГ У. фон дер Ляйен категорически отвергла обвинения в «недовыплатах» на военные цели, оцененных администрацией Трампа в 375 млрд долл. Эта сумма «недовылат» за весь период с середины 1990-х годов, когда расходы ФРГ на военные цели были существенно ниже 2% ВВП. В ходе Брюссельского саммита НАТО 11–12 июля 2018 г. Германия, предварительно согласовав свои действия с ближайшими партнерами по Альянсу Францией,

²⁷ Там же. Д. 18. Л. 124-о.

²⁸ Defence Expenditures of NATO countries. Press Release № 2 (63) // Brussels, NATO Press Service, 17 December 1963. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_1963_12/20100830_1963-002.pdf (дата обращения: 12.02.2020).

²⁹ Ibid.

³⁰ ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 44-р.

³¹ The Bundeswehr on Operations... P. 12–15.

³² Joint Press Conference with President Trump and German Chancellor Merkel. 17.03.2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-press-conference-president-trump-german-chancellor-merkel/> (дата обращения: 12.02.2020).

Нидерландами, а также Литвой, выступила против предложения Трампа об увеличении нижней планки расходов на военные цели до 4% ВВП. В результате эта сумма осталась прежней — 2% ВВП³³.

Как и Аденауэр, Меркель последовательно отстаивает право ФРГ самостоятельно определять скорость и промежуточные результаты роста затрат на оборонные цели. Так, если в 2016 г. доля военных расходов от ВВП Германии составляла 1,19% (в среднем по европейским странам НАТО — 1,44%), то в 2018 г. в ФРГ она увеличилась лишь до 1,23% (в других европейских странах НАТО — 1,51%)³⁴. К середине 2020-х годов ФРГ планирует нарастить свои военные расходы до 1,5–1,6% ВВП³⁵, существенно отставая от большинства континентальных партнеров по Альянсу. В современной ФРГ прослеживается, как и в «зрелом Аденауэре», прямо пропорциональная зависимость темпов увеличения данного показателя и динамики роста численности личного состава и единиц парка вооружений и военной техники бундесвера. В «эру Меркель» (и после ее объявленного ухода с поста федерального канцлера в 2021 г.) скорость обоих процессов ниже: в 1955–1962 гг. было развернуто 12 дивизий сухопутных войск, в 2018–2032 гг. планируется создать лишь 3 дивизии³⁶. Однако продолжительность фазы планомерного наращивания войск и вооружений существенно больше, чем в «эру Аденауэра». Аналогия прослеживается и в том, что основными поставщиками военной продукции станут германские фирмы, а также тесно связанные с ними предприятия партнеров по ЕС. При этом решается и еще одна задача — расширение присутствия профильных компаний ФРГ на общеевропейском рынке вооружений и военной техники³⁷.

ГЕРМАНО-ФРАНЦУЗСКИЙ ТАНДЕМ: ВОПРОС ЛИДЕРСТВА ФРГ

Насколько сопоставимы по своим особенностям отношения между официальным Парижем и Бонном (Берлином) в период канцлерств Аденауэра и Меркель? Для тандема Франции и ФРГ ключевой является проблема лидерства, которая обостряется при возникновении споров относительно территорий, считающихся официальным Парижем зоной своего исключительного влияния. В качестве примера рассмотрим «саарский вопрос» в первой половине 1950-х и «малийскую проблему» в середине — второй половине 2010-х годов.

На первый взгляд, вопрос о лидерстве во вновь возникавшей двусторонней «связке» Бонна и Парижа в начале 1950-х годов не должен был стоять в принципе. Де-юре позиции Франции — одной из держав-победительниц, обладавшей оккупационными правами в отношении Германии, еще сохранявшей колониальную империю и игравшей одну из ключевых ролей в институтах стран Запада, были намного сильнее. Париж выступил инициатором двух амбициозных концепций — «плана Шумана» и «плана Плевена» в традиционно чувствительных для Германии и Франции сферах — тяжелой и военной промышленности, которые составляли базу строительства совместных вооруженных сил. Стремясь к установлению долгосрочного прочного сотрудничества с Францией, Аденауэр не собирался поступать ради этого национальными интересами Германии. На рубеже 1940–1950-х годов Бонн от весьма осторожной линии по «саарскому

³³ Brussels summit declaration. 12 July 2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (дата обращения: 12.02.2020).

³⁴ Defence Expenditure of NATO countries (2011–2018). PR-CP (2019) 034. Brussels, 2019. P. 8.

³⁵ Germany plans military spending hike, but is it enough to appease NATO? 6.02.2019. URL: <https://www.dw.com/en/germany-plans-military-spending-hike-but-is-it-enough-to-appease-nato/a-47394560> (дата обращения: 12.02.2020).

³⁶ Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (дата обращения: 12.02.2020).

³⁷ Lippert B., Ondarza N., Perthes V. European Strategic Autonomy Actors, Issues, Conflicts of Interests // Stiftung Wissenschaft und Politik. 2019. № 4. March. P. 16–24.

вопросу» перешел к четкому обозначению своих интересов. Канцлером ФРГ была избрана наступательная тактика в деле решения «саарского вопроса». В выступлении перед Бундстагом в январе 1952 г. Аденауэр подчеркнул, что «Германия имеет в Сааре политические и экономические интересы, Франция же — исключительно экономические интересы, которые прежде всего касаются свободного доступа к углю и стали Саара. Эти интересы были бы удовлетворены в результате включения Саара в общий рынок по углю и стали»³⁸. Аденауэр отметил, что в ходе переговорного процесса по созданию общеевропейских институтов, французская сторона ни разу не поставила вопрос о Сааре³⁹. Однако официальный Париж попытался действовать без согласования с немецким партнером. Франция учредила посольство в Сааре и содействовала его превращению, по подобию Люксембурга, в самостоятельное небольшое государство на франко-западно-германской границе. В ответ Аденауэр указал, что «в широких немецких кругах поколебалась вера в действительные намерения Франции сотрудничать с федеральным правительством»⁴⁰.

Продолжая свою линию, канцлер увязал участие ФРГ в создании европейского оборонительного сообщества с решением «саарского вопроса» в западногерманских интересах. Вступление ФРГ в НАТО связывалось со статусом Саара⁴¹.

Это стало одной из причин, хотя и отнюдь не ключевой, провала «плана Плевена», продемонстрировав твердость Аденауэра в отстаивании национальных интересов даже в ущерб развитию много- и двусторонних отношений с западными партнерами. Итогом действий западногерманской стороны, все более активно использовавшей возможности общественной дипломатии, стало вхождение Саара в состав ФРГ по результатам второго референдума. При этом, как и ожидал Аденауэр, расхождения по Саару оказали лишь кратковременное и ограниченное негативное влияние на развитие германо-французского тандема: они были урегулированы и не превратились в камень преткновения отношений Бонна и Парижа.

С середины 2010-х годов малийское направление стало ключевым на африканском континенте с точки зрения объема прилагаемых военно-политических усилий ФРГ. До этого Германия, за исключением неудачного участия в операции в Сомали по оказанию гуманитарной и медицинской помощи в 1992–1994 гг.⁴², отказывалась от развертывания значительных (более 0,5 тыс. военнослужащих) контингентов в Африке. Угроза полного крушения института государства в Мали в 2012–2013 гг. вкупе с уже де-факто состоявшимся распадом Ливии могли в краткосрочной перспективе привести к возникновению мощного и крайне сложно контролируемого потока нелегальных мигрантов в ЕС и одновременной активизации сил международного терроризма. В обоих случаях масштаб и острота кризиса были сопоставимы с аналогичными явлениями в 2015–2016 гг., вызванными укреплением сил «Исламского государства» и дружественных ему структур на территории Сирии и Ирака⁴³. Осознание рисков нестабильности, исходящих из Мали, стало лейтмотивом подключения ФРГ к урегулированию вооруженного конфликта в этой африканской стране, традиционно входящей в зону интересов Франции.

На первых этапах урегулирования вооруженного конфликта в Мали 2013–2015 гг. ключевая роль принадлежала Франции, последовательно осуществившей операции «Сервал» (собственно боевая) и «Бархан» (широкий комплекс мер по поддержанию мира). Бундесвер в ограниченных объемах (суммарно до 0,4 тыс. военнослужащих)

³⁸ ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 171-о.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Д. 21. Л. 41-о.

⁴¹ Там же. Д. 22. Л. 51-о.

⁴² The Bundeswehr on Operations... P. 52–54.

⁴³ Hanish M. A new quality of engagement Germany's extended military operation in northern Mali // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper. 2015. № 8. P. 1–2.

использовался в рамках концепции «разгрузки». Германские военные осуществляли функции по охране тылов, логистическую и медицинскую поддержку в рамках Международной миссии поддержки Мали, перестроенной в Многопрофильную комплексную миссию ООН по стабилизации в Мали (Минусма). В составе Миссии ЕС по подготовке личного состава вооруженных сил Мали работали инструкторы из ФРГ. Примечательно, что в аналогичных формах — причем де-юре также для поддержки именно Франции — бундесвер применялся в это время в Ираке и Сирии для борьбы с «Исламским государством» и дружественными ему силами.

В 2016–2017 гг. численность контингента бундсвера в составе миссии Минусма возросла более чем в 5 раз — с 0,2 до 1,1 тыс. военнослужащих⁴⁴. Бундесвер стал использоваться для осуществления широкого комплекса наземных мер по поддержанию мира в северных (на тот момент наиболее беспокойных) и центральных провинциях Мали. К 2018 г. ФРГ приняла на себя роль «рамочного государства» не только в деле обучения кадров растущей правительственной малийской армии, но по осуществлению разведки в зоне Минусма, охране и логистической поддержке двух ключевых военных баз — «Гекко» (г. Куликоро) и «лагерь Кастро» (г. Гао). В Мали ФРГ сосредоточила существенно больший, чем это было в Афганистане, и более разнообразный парк боевой авиации, разведывательной и вспомогательной техники, в том числе вертолеты и беспилотные разведывательные аппараты⁴⁵.

Одна из основополагающих причин этих действий — наличие постоянной поддержки официального Парижа, просьб Франции об оказании содействия в урегулировании ситуации в Мали. Одна из них, обращенная к ФРГ и другим странам ЕС, была высказана президентом Франции Э. Макроном в марте 2018 г.⁴⁶ Де-юре являясь одним из многих направлений создания общеевропейских вооруженных сил, малийское направление де-факто является для германо-французского тандема ключевым именно с точки зрения кооперации вооруженных сил Германии и Франции. Позиция Франции обусловлена осознанием ограниченности собственных возможностей и стремлением компенсировать их недостаток, привлекая максимально широкий круг государств-партнеров. При этом Франция остается лидером-координатором усилий по урегулированию кризиса.

Однако де-факто на эту роль все активнее начинает претендовать ФРГ. Формально ее военное присутствие в Мали меньше французского: 1,3 тыс. немецких военнослужащих против 4 тыс. французских⁴⁷. Однако Германия укрепляет свои позиции как «рамочного государства» в деле переобучения войск Мали, партнера Франции в реализации мер по поддержанию мира. ФРГ оказывает помощь вооруженным силам Буркина-Фасо, Мавритании, Мали, Нигера, Чада в планировании боевой и военно-учебной деятельности. ФРГ создала сеть военных баз в регионе⁴⁸. Кроме того, германская сторона сыграла определяющую роль в выработке мирных договоренностей между властями Мали и лидерами «умеренных» туарегов. Эти мирные соглашения были подписаны 15 мая

⁴⁴ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/10819, 11.01.2017. S. 2–3.

⁴⁵ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019. S. 8–12.

⁴⁶ Macron fordert von Deutschlands stärkeres Engagement in Mali. 20.05.2017. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2017-05/militaereinsatz-frankreich-emmanuel-macron-mali-deutschland-europa> (дата обращения: 12.02.2020).

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8971, 03.04.2019. S. 8–12.

и 20 июня 2015 г. в Алжире — стране, также относимой к зоне французского влияния⁴⁹. Реализация данных мер ФРГ позволяет говорить о ее как минимум сопоставимом с Францией политико-военном вкладе в урегулирование «малийской проблемы».

В случае Мали прослеживается аналогия с линией правительства Аденауэра в отношении «саарского вопроса». Германия, изначально действуя весьма осторожно, постепенно, но неуклонно реализовывала сугубо наступательную тактику в чувствительных для официального Парижа сферах. Не ставя де-юре вопроса о лидерстве в двустороннем тандеме, ФРГ уверенно принимает на себя данную роль де-факто, стремясь действовать в авангарде в наиболее значимых областях практического сотрудничества.

Как и в случае с Сааром, когда в итоге был принят факт его вхождения в состав ФРГ, официальный Париж не только одобряет, но и поддерживает сохранение и по возможности наращивание присутствия бундесвера в Мали. В итоге это с высокой долей вероятности приведет к признанию за Германией роли государства-координатора международных усилий в деле стабилизации усилий в регионе.

ВЫВОДЫ

В подходе Меркель к решению политико-военных проблем отчетливо прослеживается идущая от Аденауэра преемственность. Это обусловлено схожестью линий развития «коллективного» Запада в целом и ФРГ в частности в «эры» канцлеров Аденауэра и Меркель. С одной стороны, евроатлантическая региональная подсистема в обоих случаях проходила проверку на прочность. При Аденауэре она находилась в стадии формирования (в том числе в институциональном плане), а в «эру Меркель» столкнулась с мощными вызовами не только извне, но и изнутри (укрепление правых популистов и радикалов, феномен «трампизма»). С другой стороны, в обоих случаях существовали объективные предпосылки для изменения роли и места ФРГ в евроатлантической региональной подсистеме — причем не только в общеполитическом, идеологическом и экономическом отношениях, но и военном плане.

Как ни парадоксально на первый взгляд, в подходе Аденауэра и Меркель к решению политико-военных проблем доминировала реализация именно национальных интересов. Оба канцлера стремились к лидерству ФРГ. При этом использовались возможности союзнических и интеграционных структур, которым ФРГ шла на частные уступки. Отстаивая национальные интересы, Аденауэр, равно как и Меркель, не боялся идти на временное ухудшение отношений как с отдельными западными державами, так и с «коллективным» Западом в целом, не ставя при этом под сомнение первоочередную значимость для ФРГ членства в институтах Евро-Атлантического сообщества.

Рассматривая себя в качестве органической части «коллективного» Запада, ФРГ при «зрелых» Аденауэре и Меркель стремилась использовать возможности Запада для утверждения лидерства Германии — в первом случае в основном регионального, а во втором — и глобального. Составной частью этой линии являлось наращивание военного потенциала и активизация его использования, при этом не сопровождавшееся обвинениями правительств Аденауэра и Меркель в ремилитаризации ФРГ. В перспективе во внешней политике Германии следует ожидать сохранения значимости императивов Аденауэра при условии их эволюции.

Библиография/ References

Кузнецов А.В. Экономическая мощь Германии как основа лидерства страны в Европе // Пределы лидерства Германии в Европе. М., 2018.

⁴⁹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/8090, 13.04.2016. S. 4–6.

Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М., 2012.

Трунов Ф.О. Особенности наращивания военного потенциала ФРГ при К. Аденауэре и А. Меркель // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 12. С. 106–124.

Kuznetsov A.V. Ekonomicheskaja moshch' Germanii kak osnova liderstva stran v Evropu [The economic power as the base of country's leadership in Europe] // Predely liderstva Germanii v Evrope [The limits of German leadership in Europe]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Pavlov N.V. Istoriia vneshnei politiki Germanii ot Bismarka do Merkel' [The history of German foreign policy from Bismark to Merkel]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Trunov F.O. Osobennosti narashchivaniya voennogo potentsiala FRG pri K. Adenauere i A. Merkel' [Features of building up the military potential of the FRG under K. Adenauer and A. Merkel] // Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo [Contours of global transformations: politics, economics, right]. 2019. № 12. S. 106–124.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/8090, 13.04.2016. S. 4–6.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8971, 03.04.2019. S. 8–12.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/10819, 11.01.2017. S. 2–3.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019. S. 8–12.

Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Paul Schäfer (Köln), Inge Höger, Jan van Aken, weiterer Abgeordneter und der Fraktion die Linke. Ausländische Streitkräfte in Deutschland // Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/5586, 14.04.2011. 15 s.

Armee im Kalten Krieg. 05.02.2015. URL: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/streitkraefte/grundlagen/geschichte/anfaenge/ut/p/z1/hU67DolwFP0WB9beKwREN5yEMJBAInQxBWBF-EpKBT9fDJOJxLOdZw5QyIH2bGoFM63qmVx4Qb3b2Y-z2D7atuv5iOE-Sy5h5NqICNd_AbrYuIEAia-05FMvGYXvDhRQo0Aeb2IsMShvJDWHV5yEUDetryRNVBasQARVSlevIoC8dXwDV_M411-SpF7k-xZhPFIo4zzMRSgnJSaU6C39VGjUayL-TMHT5jI4rpzjYvQHa73Ab/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9n-QSEh/#Z7_B8LTL29225680011TPHIJ52005 (access date: 12.02.2020).

Bredow von W. Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militär. Wiesbaden, 2015.

Brussels summit declaration. 12 July 2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (access date: 12.02.2020).

Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (access date: 12.02.2020).

Defence Expenditure of NATO countries (2011–2018). PR-CP (2019) 034. Brussels, 2019.

Defence Expenditures of NATO countries. Press Release № 2 (63) // Brussels, NATO Press Service, 17 December 1963. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_1963_12/20100830_1963-002.pdf (access date: 12.02.2020).

Die neue Wirklichkeit der Außenpolitik: Diplomatie im 21. Jahrhundert / Hg. V. Stanzel // Stiftung Wissenschaft und Politik. 2018. № 23. November. 76 s.

Ergebnisse der Bundestagswahlen. URL: <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm> (access date: 12.02.2020).

FP beim litauischen Tag der Streitkräfte. 23.11.2019. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence/efp-beim-litauischen-tag-der-streitkraefte-156840> (access date: 12.02.2020).

Germany plans military spending hike, but is it enough to appease NATO? 6.02.2019. URL: <https://www.dw.com/en/germany-plans-military-spending-hike-but-is-it-enough-to-appease-nato/a-47394560> (access date: 12.02.2020).

Hanish M. A new quality of engagement Germany's extended military operation in northern Mali // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper. 2015. № 8. P. 1–2.

Hellmann G. Sicherheitspolitik // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / Eds S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. Wiesbaden, 2007.

Joint Press Conference with President Trump and German Chancellor Merkel. 17.03.2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-press-conference-president-trump-german-chancellor-merkel/> (access date: 12.02.2020).

Kornelius St. Angela Merkel: Die Kanzlerin und ihre Welt (Zeitgeschichte). Berlin, 2013.

Lippert B., Ondarza N., Perthes V. European Strategic Autonomy Actors, Issues, Conflicts of Interests // Stiftung Wissenschaft und Politik. 2019. № 4. March. P. 16–24.

Macron fordert von Deutschlands stärkeres Engagement in Mali. 20.05.2017. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2017-05/militaereinsatz-frankreich-emmanuel-macron-mali-deutschland-europa> (access date: 12.02.2020).

NATO Response Force (NRF) Fact Sheet 1.01.2019 // NATO. Mode of access: URL: <https://jfcbs.nato.int/page5725819/nato-pesponse-force-nrf-fact-sheet> (access date: 12.02.2020).

Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland. Berlin, 2017.

Roos U. Deutsche Außenpolitik. Eine Rekonstruktion der grundlegenden Handlungsregeln. Wiesbaden, 2010.

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin, 2009.

Trident Juncture 2018: Die logistische Rückführung. Stand vom: 16.11.2018. URL: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/aktuelles/aus_der_truppe/lut/p/z1/hY_NCoMwEITfyI2KSXo0SIs0aOm_uZSgwVpsLiGVHvrwjRS8SfcwsDO737Ig4ApCy7FrpeuMlr3vK4FvjPljj1ZRxE8UoZwXtEwiFCIawxku_0aEj9FCpQgOjYlKM8gio8RwAAGiUUFttHKTOqVd57W10hkbDMA6fkpe1vok6BqoUJ-ixkMynwg_D203MMSFZzvYT8CFH-Z53ZT09DdVd6qZXO1OnP2N4rmlRJO0XRxWM9Q!!/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922LU800ILN8O52010O6 (access date: 12.02.2020).